

УДК 94(100)"1939-1941"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/47/17

ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР С ПОЛЬСКИМ ЭМИГРАНТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ 30 ИЮЛЯ 1941 г. (ПО СТРАНИЦАМ ДНЕВНИКА И.М. МАЙСКОГО)

Б.С. Жигалов, Е.В. Хахалкина

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Авторское резюме

Освещается история подготовки и заключения Соглашения между правительством СССР и польским эмигрантским правительством в Лондоне 30 июля 1941 г. об установлении дипломатических отношений и совместной борьбе против гитлеровской Германии. Сложные переговоры по этому соглашению велись параллельно в Лондоне и Москве. На них прямое влияние оказывали непростые отношения польского эмигрантского правительства и советского руководства, осложненные возвращением в сентябре 1939 г. в состав СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии. В итоге после серии обсуждений был подписан вариант соглашения, разработанный в Москве при участии И.В. Сталина. Показана активная роль в советско-польских переговорах британской дипломатии во главе с А. Иденом.

Ключевые слова: польское эмигрантское правительство, Соглашение между СССР и польским эмигрантским правительством 30 июля 1941 г., В. Сикорский, И.М. Майский, А. Иден, С. Криппс.

FROM THE HISTORY OF THE PREPARATION AND CONCLUSION OF THE AGREEMENT BETWEEN THE USSR GOVERNMENT AND THE POLISH GOVERNMENT IN EXILE ON JULY 30, 1941 (THE PAGES OF I.M. MAYSKY'S DIARY)

B.S. Zhigalov, E.V. Khakhalkina

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Abstract

The article focuses on the history of the preparation and conclusion of the Agreement between the Government of the USSR and the Polish Government in exile in London on July 30, 1941, for the establishment of diplomatic relations and the joint struggle against Nazi Germany. This Agreement was the result of tough negotiations conducted simultaneously in London and Moscow. They were directly affected by the complicated relations between the Polish government in exile and the Soviet authorities, with the situation becoming tougher when in September 1939 the territories of Western Ukraine and Western Belarus returned to the Soviet Union. After a series of discussions, the sides finally signed the variant of the agreement developed in Moscow with the participation of I. Stalin. The British diplomacy led by Anthony Eden played an active role in the Soviet-Polish talks.

Keywords: Polish government in exile, the agreement between the USSR and the Polish Government in exile, July 30, 1941, V. Sikorsky, I.M. Maysky, A. Eden, S. Cripps.

С началом Великой Отечественной войны правительство Советского Союза предпринимало энергичные усилия по созданию антигитлеровской коалиции. Важную роль в этом сыграл посол СССР в Лондоне И.М. Майский. Именно ему довелось от имени советского правительства подписать соглашения об установлении дипломатических отношений с эмигрантскими правительствами Чехословакии и Польши, а также с правительствами Канады и Египта. Им были подписаны документы о присоединении СССР к Атлантической хартии и признании генерала де Голля главой «Свободных французов».

Наиболее сложной была проблема нормализации отношений с эмигрантским правительством Польши, оказавшимся тогда в Лон-

доне. В своих дневниковых записях и служебной переписке с НКВД Майский повествует о некоторых деталях и сложностях отношений с лондонскими поляками в 1940–1941 гг.

После разгрома Польши и оккупации ее территории нацистами 30 сентября 1939 г. в Париже было создано польское правительство в эмиграции. Главой его стал генерал В. Сикорский, не принадлежавший к числу активных сторонников прежнего режима санации. Были созданы польские вооруженные силы общей численностью около 80 тыс. чел., принимавшие участие в боевых действиях против гитлеровцев на территории Франции. 22 июня 1940 г. пал Париж, и польское правительство потеряло большую часть своей армии. Тогда же Черчилль переправил само эмигрантское польское правительство и остатки его вооруженных сил (около 23 тыс. чел.) в Англию.

Внешнеполитическая программа правительства Сикорского, принятая летом 1940 г., включала в себя следующее: восстановление польского государства в границах до сентября 1939 г., присоединение к Польше территории Восточной Пруссии, создание конфедерации с Чехословакией (возможно, с участием других государств между Балтикой, Черным морем и Адриатикой) (Парсаданова 1992: 175).

Основной внешнеполитической проблемой для польского эмигрантского правительства в отношениях с СССР была проблема Западной Украины¹ и Западной Белоруссии, вошедших в состав СССР после 17 сентября 1939 г. Свои надежды на возвращение этих территорий правительство Сикорского возлагало на Лондон. Хотя еще 17 сентября 1939 г. замминистра иностранных дел Великобритании Батлер говорил послу Майскому о невозможности восстановления Польши в прежних границах: «Никто в Англии не помышляет о возврате Польше Западной Украины и Западной Белоруссии» (Майский 2009а: 40).

Когда в сентябре 1939 г. Сикорский и министр иностранных дел его правительства Залесский прибыли в Лондон из Парижа, чтобы «добиться от Британии обещания включить в свои военные цели» восстановление Польши в довоенных границах, то, как отмечает Майский, «Галифакс прочитал им длинную лекцию о прелестях “линии Керзона”». Британский министр подчеркивал, что «действия России более направлены на то, чтобы продвинуться к границе, рекомендованной на Парижской мирной конференции Керзоном, отмечая несвоевременность в настоящий момент фиксировать границы будущей Польши» (Майский 2009а: 67).

После того как правительство Сикорского в июне 1940 г. переехало в Лондон, польский премьер заявил Черчиллю, что Польша не хочет быть препятствием в улучшении отношений Англии и СССР (Дурачинский 1999: 56). Это интерпретировалось в политических

кругах Лондона как готовность отказаться от претензий на Западную Украину и Западную Белоруссию. «Как симптом польских настроений данный проект весьма любопытен», – резюмировал Майский (Майский 2009а: 207).

В меморандуме от 19 июня 1940 г., переданном У. Черчиллю, В. Сикорский заявлял о желании отказаться от враждебной Советскому Союзу политики режима санации, соглашался на определенные территориальные изменения и на проход советских войск через территорию Польши, оккупированную немцами, а также на сотрудничество с СССР в создании на его территории польской армии (Парсаданова 1992: 127).

На позицию Сикорского, очевидно, повлияло мнение чехословацкого президента Э. Бенеша, который в ходе переговоров о польско-чехословацкой конфедерации высказался за опору на СССР. Но появление такого документа вызвало скандал среди лондонских поляков. Президент Рачкевич даже подписал указ об отставке Сикорского. Но под давлением военных во главе с генералом Соснковским и британского правительства Рачкевич отозвал свой указ об отставке Сикорского, а тот отозвал свой меморандум (Яжборовская и др. 2001: 240). «...Сикорский пока остался. Однако оппозиция к нему сильно растёт», – констатировал Майский (Майский 2009а: 240).

Нелепой была ситуация, когда эмигрантское правительство считало себя в состоянии войны с Советским Союзом. Как известно, после 17 сентября 1939 г., когда части Красной армии вошли на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии, Польша и СССР войны друг другу не объявляли. Командующий польскими вооруженными силами маршал Рыдз-Смиглы издал приказ «С Советами не воюем».

Тем не менее 19 апреля 1940 г. министр иностранных дел Залесский на заседании Рады Народовой констатировал, что Польша если не де-юре, то де-факто находится в состоянии войны с СССР (Яжборовская и др. 2001: 126).

Воинственность эмигрантского правительства усилилась в связи с намерениями Англии и Франции нанести удары по Советскому Союзу в период советско-финской войны. 8 мая 1940 г. Залесский заявил: «Мы должны подготовиться к ориентации на разгром России в тот момент, когда союзники объявили бы ей войну» (Дурачинский 1999: 54).

29 июля 1940 г. было подписано англо-польское соглашение о статусе польских войск на британской территории. При этом Залесский произнес речь, в которой снова утверждал, что «Польша находится в состоянии войны с СССР» (Майский 2009а: 240).

Дело доходило до курьезов. Так, в мае 1941 г. на торжественном приеме у лондонского лорд-мэра, где присутствовал дипломатический корпус, имел место эпизод, описанный И.М. Майским: «Слева от меня оказался Рачинский (посол Польши в Лондоне). Хотя прежде мы были с ним хорошо знакомы и друг у друга бывали, но сейчас Польша объявила войну СССР, и поэтому Рачинский сел рядом со мной, глядя в сторону. Он так и просидел все собрание» (Майский 2009а: 399). 19 июля 1941 г. сам Сикорский заявил, что, хотя Польша находится в состоянии войны с СССР, в будущей германо-советской войне она сохранит нейтралитет (Парсаданова 1992: 130).

Тем не менее, как отмечает В.С. Парсаданова, «с зигзагами, сложностями, трудностями проблема советско-польских отношений начала сдвигаться с мертвой точки, наметились границы компромисса с обеих сторон» (Парсаданова 1994: 81). Прежде всего провалились попытки эмигрантского правительства пополнить свою армию за счет польской диаспоры в США и Канаде. Рассчитывать можно было лишь на поляков, оказавшихся на территории СССР.

А уже осенью 1940 г. Сталин поручил Берии проработать вопрос о создании воинских частей из поляков и чехов. Тогда это завершилось неудачей, но начало было положено (Яжборовская и др. 2001: 129).

Начавшаяся Великая Отечественная война давала шанс на восстановление польской государственности. Инициативу проявила советская сторона. 3 июля 1941 г. Майский получил телеграмму из Москвы следующего содержания: «Мы стоим за создание независимого польского государства в границах национальной Польши, включая некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР, причем вопрос о характере государственного режима Польши советское правительство считает внутренним делом самих поляков... Можете все это передать Идену, а также Сикорскому, заявив Сикорскому, что если он пожелает, то советское правительство не возражает против заключения с ним соглашения о совместной борьбе против гитлеровской Германии» (Документы и материалы 1973: 198).

4 июля 1941 г., информируя НКВД о встрече с Сикорским, Майский сообщал, что польский премьер «готов вести переговоры со мной. После намеченного на завтра заседания польского правительства он хотел бы вступить со мной в непосредственный контакт» (Документы и материалы 1973: 112).

5 июля 1941 г. состоялась первая официальная встреча советского посла с Сикорским. Характеризуя начало переговоров, Майский писал, что свидание с Сикорским и Залесским состоялось в кабинете заместителя министра иностранных дел А. Кадогана: «Кадоган вначале собирался уйти из кабинета и оставить нас втроем. Но Сикорский

запротестовал против этого, я тоже не имел оснований возражать против присутствия Кадогана, поэтому последний оставался в кабинете во время всей моей беседы с поляками, но сам почти ничего не говорил. <...> В начале беседы поляки, особенно Залесский, пытались было вновь вступить в длительные споры по вопросу о границах». Но затем Сикорский согласился оставить в стороне вопрос о границах будущей Польши. Он хотел бы «лишь общего заявления с нашей стороны о том, что все договоры между СССР и Германией, касающиеся Польши, рассматривались нами как больше не существующие». Обсуждался вопрос о создании польской армии на территории СССР. Для формирования этой армии Сикорский просил освободить польских военнопленных. Майский так сформулировал свое впечатление от этой встречи: «Лично Сикорский производит довольно выгодное впечатление, чего никак нельзя сказать о Залесском» (Документы и материалы 1973: 202–204).

В ответ на эту информацию Майский получил из Москвы следующую телеграмму: «Передайте Сикорскому – 1. Советское правительство не возражает против предложения Сикорского о том, чтобы оставить сейчас в стороне вопрос об установлении общей советско-польской линии относительно границ будущего польского государства, причем советское правительство сделало соответствующее заявление, что договоры между СССР и Германией 1939 г. рассматриваются нами как не существующие больше. 2. Создание в СССР польской армии приемлемо. Командовать ею должен польский офицер по выбору Сикорского и по согласованию этой кандидатуры с советским правительством с тем, чтобы оперативно польская армия была подчинена Главному командованию СССР. 3. ...если наше предложение (о создании национальных комитетов поляков и др.) оказалось неправильным, то мы снимаем наше предложение и согласны принять послов Польши, Югославии и Чехословакии. 4. ...польских военнопленных в СССР только 20 тыс., остальные отпущены или разбежались» (Документы и материалы 1973: 204).

11 июля 1941 г. Майский начал детальные обсуждения с Сикорским и Залесским статей будущего соглашения. На переговорах присутствовал и принимал активное участие глава Форин-офис А. Иден.

Переговоры были сложными. Поляки «пытались протащить хотя бы косвенно признание с нашей стороны границы 1921 г.». Это было отвергнуто Майским. Касаясь польской армии в Советском Союзе, поляки «не хотели признавать, что командир этой армии назначается польским правительством с согласия советского правительства». «Длинная драка» по этому пункту привела к признанию его поляками

в советской формулировке. Спорили и по пункту об освобождении польских заключенных в СССР (военных и гражданских) (Майский 2009b: 25–26).

В конечном счете, как сообщал Майский в НКВД 11 июля, удалось прийти к предварительному соглашению, состоявшему из следующих пунктов:

«1. Советское правительство заявляет о том, что советско-германские договоры относительно Польши признаются более несуществующими;

2. Между советским правительством и польским правительством устанавливаются дипломатические отношения, и в Москву назначается польский посол;

3. Советское правительство и польское правительство заявляют о своей готовности вести совместную борьбу против гитлеровской Германии;

4. На территории СССР создается польская армия, составляющая автономную единицу... Командующий польской армией назначается польским правительством по согласованию с советским правительством. Польская армия в оперативном отношении подчиняется Верховному командованию СССР».

«Приведенные пункты – это, конечно, еще не точно сформулированные пункты, а лишь основная мысль пунктов», – считал дипломат.

Завершая свое донесение, Майский отмечал: «На сегодняшнем заседании Иден принимал активное и весьма дружественное для нас участие» (Документы 2000: 141).

В Москве внимательно следили за ходом переговоров в Лондоне. 18 июля нарком иностранных дел В.М. Молотов принял британского посла С. Криппса и сообщил ему, что получил от Майского телеграмму с информацией о ходе переговоров. Криппс заявил, что, по его мнению, «переговоры между Майским и Сикорским закончатся благополучно в самое ближайшее время» (Документы 2000: 168).

Однако все было не так просто. Поляки пытались внести некоторые поправки в согласованный текст соглашения. Споры по его «улучшению» заняли несколько дней. Майский писал: «Москва не выдержала и заявила: если поляки не примут уже согласованных ранее формулировок, то могут отправляться на все четыре стороны. Обойдемся и без поляков» (Майский 2009b: 25).

26 июля Иден сообщил Майскому о готовности поляков принять согласованный текст. Сикорскому не без труда удалось склонить правительство к принятию текста соглашения. В знак протеста в отставку подали три министра. Против договора с СССР выступали пилсудчики, санация и Национальная партия (Парсаданова 1994: 63).

27 июля было проведено окончательное согласование всех деталей соглашения и порядка его подписания.

Так появился «лондонский текст» проекта Соглашения СССР и польского эмигрантского правительства.

Одновременно с переговорами в Лондоне, где Советский Союз представлял Майский, велись переговоры в Москве, причем на самом высоком уровне. С советской стороны участвовали Сталин и Молотов, с британской – посол Криппс. Сталин принимал Криппса 8, 10, 12 и 21 июля (Посетители 1996: 36–37). В ходе этих встреч среди прочих проблем затрагивался и польский вопрос. Решающая встреча состоялась 26 июля 1941 г., когда Сталин и Молотов в течение полутора часов обсуждали с Криппсом содержание советско-польского соглашения. Согласованный текст в общем совпадал с текстом, о котором договорились в Лондоне.

В ходе дискуссии Криппс поставил вопрос о польских гражданах, находившихся в заключении на территории СССР. Было решено в публичный протокол к соглашению включить следующий пункт: «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других основаниях, со времени восстановления дипломатических отношений».

Кроме того, в связи с возникшим вопросом о материальных претензиях частного и общественного порядка была принята формулировка: «Различного рода претензии частного и общественного порядка будут рассматриваться в порядке последующих переговоров между обоими правительствами» (Документы 2000: 183–184).

Так появился «московский текст» будущего советско-польского соглашения (опубликован в Документы: 200–201).

Затем события приняли необычный поворот. 28 июля Молотов вызвал Криппса и сообщил ему следующее: «В польском вопросе в настоящий момент неожиданно (?) возникла задержка в связи с тем, что переговоры велись в двух местах – в Москве и Лондоне. В результате этого в настоящий момент имеются два различных текста: один, согласованный в Лондоне, другой, согласованный в Москве... Советское правительство предлагает немедленно принять текст, согласованный в Лондоне» (Документы 2000: 191).

Криппс было согласился с таким предложением, но на следующий день был дезавуирован Иденом, осудившим готовность посла принять «лондонский текст».

В Лондоне подписание советско-польского соглашения было намечено на 28 июля. Как разворачивались события дальше, повествует Майский: «В последний момент перед подписанием разыгралась

странная история... 27 (го) июля после обеда пришла телеграмма от Криппса, в которой он доносил, что накануне видел Сталина и Молотова и договорился с ними о тексте польского договора, несколько отличающегося от того, который с таким трудом был выработан в Лондоне. Самое важное отличие состояло в том, что в Москве Криппсу обещали полную амнистию всем заключенным полякам, в то время как в Лондоне мы договорились лишь о том, что «все практические вопросы, касающиеся освобождения польских граждан, находящихся в заключении на территории СССР, после восстановления дипломатических отношений будут рассмотрены в положительном смысле». Кроме того, в Москве решили, что протокол о заключенных будет гласным» (Майский 2009b: 25–26).

Дальше события развивались следующим образом: «28 (го) июля около 3 час(ов) дня я получил ответ из Москвы, который поверг меня в большое недоумение. Да, сообщение Криппса точно... Тем не менее советскому правительству мой "лондонский текст" нравится больше, чем "московский"».

«Около часу ночи пришла новая телеграмма из Москвы... Из телеграммы вытекало, что Москве очень хотелось бы все-таки заключить договор на базе "лондонского" текста. Я немедленно ответил, что теперь уже поздно, ибо Иден и Сикорский "ухватились обеими руками" за "московский" текст соглашения» (Майский 2009b: 26).

И как итог этой суматошной переписки – «поздно ночью 29 (10) я получил разрешение Москвы подписать "московский текст". Так "московский текст" и стал текстом договора. Однако до сих пор для меня не совсем ясно, что произошло в Москве... и почему т.т. Сталин и Молотов договорились с Криппсом о "московском тексте". В беседах с Иденом я вообще был поставлен в трудное положение. Как только я пытался отстаивать "лондонский текст", Иден немедленно прятался за авторитет т. Сталина. Что я мог ответить?» (Майский 2009b: 27).

Тем не менее Майский добился того, что, выступая в Палате общин, Иден еще раз подтвердил, что британское правительство никогда не давало согласия на установление старой границы Польши. «Теперь ни при каких обстоятельствах в будущем поляки не смогут утверждать, что Англия хотя бы косвенно гарантировала границы 1921 г.» (Майский 2009b: 28).

Подписание Соглашения о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР состоялось 30 июля 1941 г. в помещении Форин-офиса. «Иден встретил нас в дверях. Он улыбался, и по всему было заметно, что он очень доволен», – писал дипломат (Майский 2009b: 21).

Долго ждали, когда придет Черчилль, отдохавший после ланча. В разговоре с Майским, который велся на французском языке, Сикорский заявил, что он уже давно пришел к выводу, «что Польша не может бесконечно балансировать между своими соседями с запада и востока. Она должна выбирать – либо с Германией против России, либо с Россией против Германии. Сам Сикорский всегда считал, что Польша должна идти с Россией против Германии» (Майский 2009b: 21).

В урегулировании советско-польских отношений в начале Великой Отечественной войны важную роль сыграло правительство Англии, чрезвычайно заинтересованное в сохранении своего воюющего союзника. Майский отмечал в своем дневнике: «Несомненно, очень крупную роль в переговорах сыграл Иден. Я склонен думать, что без него мы с поляками вообще не договорились бы... Иден старался держать "средний курс", но иногда он срывался и проявлял слишком много внимания к желаниям и требованиям поляков. Сикорский ему очень нравился... и это отражалось на переговорах. В общем все-таки Идену можно сказать спасибо» (Майский 2009b: 25).

Влияние британского правительства на ход советско-польских переговоров и их положительный итог выразились в следующем:

1. Разработка «московского текста», который и был подписан, велась советскими и британскими представителями. Никаких польских политиков в Москве не было. Иден и Криппс сами решали, что нужно для Польши.

2. В самом болезненном для поляков вопросе о восточной границе позиция Лондона была четкой и бескомпромиссной: «линия Керзона» – единственный возможный вариант. Москве не пришлось идти на территориальные уступки, эвентуально обещанные Молотовым 3 июля 1941 г. («некоторые города и области, недавно отошедшие к СССР»).

3. В январе 1942 г. в беседе с Сикорским Криппс говорил: в июле 1941 г. «Россия настолько была зависима от британской помощи, что приняла бы любые условия» (Документы и материалы 1973: 284). Но британское правительство не воспользовалось военной слабостью Советского Союза и сдержало чрезмерно корыстные требования польского эмигрантского правительства.

После подписания соглашения 30 июля 1941 г. правительство СССР предприняло ряд шагов для позитивного развития советско-польских отношений. Так, 12 августа 1941 г. был издан указ Президиума Верховного Совета СССР об амнистии польских граждан, находившихся в заключении на территории СССР. По данным НКВД, в Советском Союзе были учтены 414 358 чел. польской национальности. Из них в тюрьмах и лагерях находились 59 тыс. чел., в лагерях для воен-

нопленных – 25 тыс. чел., остальные – в спецпоселениях и местах высылки (АВПРФ 1: Л. 1).

14 августа 1941 г. было подписано советско-польское Соглашение о создании польской армии на территории СССР. Сикорский назначил ее командующим генерала В. Андерса.

Несмотря на серьезные материальные трудности, связанные с войной, советское правительство, как отмечалось в ноте НКВД на имя польского посла С. Кота, «все польские граждане, которые были лишены свободы как военнопленные или же на иных достаточных основаниях, освобождены, причем определенным категориям освобожденных и военнопленных была оказана советскими властями материальная помощь (бесплатные билеты на проезд по железной дороге и водным путям, суточные на питание в пути и др.)» (АВПРФ 2: Л. 2).

17 сентября 1941 г. в лондонской газете «Таймс» было опубликовано интервью бывшего поверенного в делах Польши в СССР Ю. Ретингера, который заявил, что советская власть «проявляет величайшую лояльность в выполнении обязательств, принятых в соглашении с польским правительством 30 июля с.г.» (Документы и материалы 1973: 209).

В конце ноября – начале декабря 1941 г. Сикорский посетил Советский Союз. В ходе беседы с Сикорским Сталин заявил, что «Восточная Пруссия должна принадлежать Польше, а польская западная граница должна опираться на реку Одер» (Документы и материалы 1973: 255). По итогам визита Сикорского была подписана советско-польская Декларация о дружбе и взаимной помощи.

Иной была позиция польской эмиграции. Польские политики по-прежнему думали о восстановлении границ 1939 г. В изданиях польской эмиграции в США и Англии велась откровенно антисоветская пропаганда.

В марте 1943 г. Майский записал в дневнике следующее: «Поляки ведут себя совершенно идиотически. Недавно польское правительство и польский "Национальный совет" приняли официально решение, которое потом было опубликовано, о том, что они твердо стоят на базе границ 1939 г.» (Майский 2009b: 233). Сам Сикорский полагал, что после войны удастся пересмотреть установленные границы. Он же утверждал: «Польша считает Литву страной, относящейся к сфере ее собственных интересов. Об оставлении польского Вильно вообще не может быть речи» (Документы и материалы 1973: 285).

В мае 1942 г. А.Е. Богомолов, посол при союзных правительствах в Лондоне, сообщал в Москву: польское правительство в эмиграции «считает, что мы перед Польшей в неоплатном долгу, и если мы сейчас

что-либо делаем для поляков, то со стороны поляков великим подвигом и большой уступкой своему самомнению является принятие этой помощи» (Иванов 2014: 250).

Однако в апреле 1943 г. взорвалась «катынская бомба», и 25 апреля 1943 г. СССР разорвал отношения с польским эмигрантским правительством.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Следует отметить, что понятие *Западная Украина* включало территории, находившиеся в составе Польши, Румынии, Чехословакии. Часть из них была присоединена к СССР (кроме 1939 г. – в 1940 и 1945 гг.). В 1939 г. – Восточная Галиция (бывшее Львовское, Тернопольское и Станиславское воеводства), Волынь, Подолия (Подолье, Понизье), бывшие в составе Польши, в 1940 г. – румынская Северная Буковина (Черновицкая область), в 1945 г. – бывшее чехословацкое Закарпатье (Подкарпатская Русь, Угорская Русь) без Пряшевщины. Территория Восточной Галиции, Волыни и Полесья, составляющая в настоящее время Львовскую, Тернопольскую, Ивано-Франковскую, Волынскую и Ровненскую области современной Украины, в течение 1921–1939 гг. находились в составе Второй Польской республики. Назывались они Восточные кресы. Они были включены в состав СССР. На территории Западной Украины, включенной в состав УССР, были созданы шесть областей: Львовская, Станиславская, Волынская, Тернопольская, Ровенская, Дрогобычская (в нее, помимо части нынешней Львовской области, вошла большая часть Перемышля. Сам город стал центром Перемышльского района Дрогобычской области (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 декабря 1939 г.). В 1945 г. Перемышль был возвращен Польше). Некоторые западноукраинские земли (Холмщина, Подлясье, Лемковщина) с населением свыше полумиллиона человек были включены в созданное немцами на оккупированной территории генерал-губернаторство с центром в Кракове. То есть не вся Западная Украина оказалась в составе УССР и современной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

АВПРФ 1 - Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). Ф. 06. Секретариат В.М. Молотова. Оп. 3. Д. 249. Папка 19. 26 октября 1941 г. Справка о размещении польских граждан СССР.

АВПРФ 2 - АВПРФ. Ф. 69. Референтура по Великобритании. Оп. 25. Д. 12. Папка 71. 8 ноября 1941 г. Господину Кот, Чрезвычайному и Полномочному Послу Польской республики.

Документы 2000 - Документы внешней политики. М.: Международные отношения, 2000. Т. XXIV. 629 с.

Документы и материалы 1973 - Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VII: 1939–1941 гг. М.: Наука, 1973. 510 с.

Дурачинский 1999 - *Дурачинский Э.* Польша и политика Москвы 1933–1941 гг.: факты, гипотезы, вопросы // Война и политика. 1933–1941 гг. М.: Наука, 1999. 495 с.

Иванов 2014 - *Иванов Ю.В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. М.: Международные отношения, 2014. 381 с.

Майский 2009a - *Майский И.М.* Дневник дипломата. М.: Наука, 2009. Кн. 2, ч. 1. 485 с.

Майский 2009b - *Майский И.М.* Дневник дипломата. М.: Наука, 2009. Кн. 2, ч. 2. 393 с.

Парсаданова 1992 - *Парсаданова В.С.* О некоторых аспектах внешней политики польского правительства в эмиграции в 1940–1941 гг. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы (сентябрь 1940 – июнь 1941 г.). М.: Институт славяноведения и балканистики, 1992. 166 с.

Парсаданова 1994 - *Парсаданова В.С.* Владислав Сикорский // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 48–69.

Посетители 1996 - *Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина* // Исторический архив. 1996. № 2. С. 51–54.

Яжборовская 2001 - *Яжборовская П.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М.: РОССПЭН, 2001. 493 с.

REFERENCES

Archive of the Russian Foreign Policy (AVPRF). (1941a) Fund 06. Secretariat of V.M. Molotov. List 3. File 249. Folder 19. October 26, 1941. *Spravka o razmeshchenii pol'skikh grazhdan SSSR* [Reference about placing Polish citizens of the USSR].

Archive of the Russian Foreign Policy (AVPRF). (1941b) Office of the UK Documentary Research. List 25. File 12. Folder 71. November 8, 1941. *Gospodinu Kot, Chrezvychaynomu i Polnomochnomu Poslu Pol'skoy respubliki* [To Mr. Cot, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Polish Republic].

Gusarov, E.P. (ed.) (2000) *Dokumenty vneshnei politiki* [Foreign Policy Documents]. Vol. XXIV. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Khrenov, I.A. (ed.) (1973) *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnosheniy* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations]. Vol. VII. Moscow: Nauka.

Durachinskiy, E. (1999) *Pol'sha i politika Moskvy 1933–1941 gg.: fakty, gipotezy, voprosy* [Poland and Moscow's policy in 1933–1941: Facts, hypotheses, questions]. In: Chubaryan, A. (ed.). *Voyna i politika. 1933-1941 gg* [War and Policy. 1933–1941]. Moscow: Nauka.

Ivanov, Yu.V. (2014) *Ocherki istorii rossiysko (sovetsko)-pol'skikh otnosheniy v dokumentakh* [Essays on the history of the Russian (Soviet)-Polish relations in the documents]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Maysky, I.M. (2009a) *Dnevnik diplomata* [A diary of a diplomat]. Vol. 2. Part. 1. Moscow: Nauka.

Maysky, I.M. (2009b) *Dnevnik diplomata* [A diary of a diplomat]. Vol. 2. Part. 2. Moscow: Nauka.

Parsadanova, V.S. (1992) O nekotorykh aspektakh vneshney politiki pol'skogo pravitel'stva v emigratsii v 1940–1941 gg. [Some aspects of the foreign policy of the Polish government in exile in 1940–1941]. In: Gibiansky, L.Ya., Sluch, S.Z. (eds) *Mezhdunarodnye otnosheniya i strany Tsentral'noy i Yugo-Vostochnoy Evropy (sentyabr' 1940 – iyunya 1941 gg.)* [International relations and the countries of Central and Southeastern Europe (September 1940 to June 1941)]. Moscow: Institut slavyanovedeniya i balkanistiki.

Parsadanova, V.S. (1994) Vladislav Sikorskiy [Wladyslaw Sikorski]. *Voprosy istorii*. 9. pp. 48–69.

Posetiteli (1996) Posetiteli kremlevskogo kabineta I.V. Stalina [Visitors of I.V. Stalin's Kremlin office]. *Istoricheskiy arkhiv*. 2. pp. 51–54.

Yazhborovskaya, P.S., Yablokov, A.Yu. & Parsadanova, V.S. (2001) *Katynskiy sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh* [The Katyn syndrome in the Soviet-Polish and Russian-Polish relations]. Moscow: ROSSPEN.

Жигалов Борис Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Zhigalov Boris - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Хахалкина Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Томского государственного университета (Россия).

Khakhalkina Elena - Tomsk State University (Russia).

E-mail: ekhakhalkina@mail.ru